

РОЛЬ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Систематическое изучение теневых экономических отношений ведется менее 40 лет, и такой короткий срок создает у исследователей ощущение, будто речь идет о феномене исключительно современной эпохи. Этот стереотип тем более прочен, чем менее он осознан. Хотя исследователи знают о древней истории большинства разновидностей теневых экономических отношений, они не воспринимают теневую экономику как непреходящий институт развития общества. Действует эффект «за деревьями не видно леса». Есть обширная литература по истории пиратства и организованной преступности, есть отдельные исследования по истории контрабанды, промышленного шпионажа, коррупции и т.д., однако нет ни единой работы о развитии теневых экономических отношений в целом¹. В результате теневую экономику считают всего лишь вредной помехой нормальной жизни общества, не задумываясь о том, что «все действительно разумно».

Хотя вопрос о функциях теневой экономики затрагивается в литературе уже довольно давно, однако обсуждение этой проблемы ведется на уровне противопоставления «хороших» (позитивных) и «плохих» (негативных) функций. Автор данной статьи предлагает подойти к этой проблеме с иной стороны и вместо манихейского противопоставления «плохого» и «хорошего» выделять функции, связанные с эволюцией общества.

Рассмотрим теневую экономику как *необходимый для развития общества сектор экономики, в рамках которого происходит вызревание новых, дублирование существующих и угасание отмирающих формальных институтов.*

1. Теневая экономика как механизм институциональных инноваций

Конкуренция старых формальных и новых неформальных правил. Развитие общества связано с постоянными инновация-

ми, изобретениями. Часто под ними подразумевают только чисто технические открытия. На самом деле не меньшую (а возможно и большую) роль играют изобретения новых институтов, новых «правил игры». Например, «изобретение» протестантской этики и акционерных обществ имело для развития капиталистической экономики куда более важное значение, чем изобретение паровой машины и сталелитейной металлургии.

Институциональное новаторство всегда наталкивается на сопротивление сторонников традиционных норм, составляющих большинство в любом обществе. Поскольку законодательные нормы призваны отражать волеизъявление большинства, *рождение новых «правил игры», как правило, происходит с нарушением закона*. Следовательно, институциональное новаторство обязательно включает конкуренцию старых формальных (законных) и новых неформальных (незаконных) практик.

Фридрих фон Хайек указывал, что «конкуренция важна как исследовательский процесс, в ходе которого первооткрыватели ведут поиск неиспользованных возможностей, доступных в случае успеха и всем остальным людям...»². Эта «конкуренция как процедура открытия» обязательно включает, таким образом, и конкуренцию легальной экономики с теневой.

Сам неформальный характер новых правил создает дополнительные издержки для их реализации. Поэтому в конкуренции старых формальных и новых неформальных правил хозяйственной деятельности «выживают» лишь такие новые правила, использование которых обеспечивает сильные (а не чуть заметные) преимущества в сравнении с традиционным укладом.

В «тенеvedческой» литературе уже встречалась постановка вопроса о «революционной» роли теневой экономики. Есть исследователи, которые считают неформальную экономику «социалистической альтернативой капиталистическому развитию» или, наоборот, в духе либертарианского анархизма, видят в подпольной экономике средство освобождения от «большого правительства» и налоговых притеснений³. С. Генри оспаривал эту позицию⁴, справедливо указывая, что теневую экономику вряд ли можно считать революционной альтернативой существующему строю, поскольку она вовсе не стремится уничтожить этот строй.

К сожалению, эта полемика шла почти исключительно на материале современной эпохи. Если, однако, взглянуть на функции теневой экономики в исторической перспективе, то тезис о революционности теневой экономики может получить много подтверждающих аргументов.

Инновационная функция теневых экономических отношений в межсистемных сдвигах. Сильнее всего эта инновационная роль теневой экономики проявляется при спонтанных *межсистемных сдвигах* — при переходе от одной экономической системы к другой. Речь идет о революциях, понимаемых не как смена политического режима, а как качественное обновление принципов социально-экономической деятельности.

За последние столетия известны три «великие революции», когда общество переходило от одной социально-экономической системы к принципиально иной:

- 1) переход от феодализма к капитализму в Западной Европе нового времени (XVI–XVIII вв.);
- 2) переход от капитализма к социализму в России в начале XX в.;
- 3) переход от социализма к капитализму в странах социалистического лагеря конца XX в.⁵

Роль теневых экономических отношений в генезисе капитализма лучше всего проанализирована перуанским экономистом Эрнандо де Сото. По его мнению, меркантилизм как тип экономической политики, господствовавшей в Европе в XVI–XVIII вв., «был политизированной системой хозяйства, в которой поведение предпринимателей подлежало детальной регламентации. Государство не позволяло потребителям решать, что должно производиться; оно оставляло за собой право выделять и развивать те виды экономической деятельности, которые считало желательными, и запрещать или подавлять кажущиеся ему неподходящими»⁶. Эпоха буржуазных революций в Западной Европе, как полагает Э. де Сото, — это победа капиталистов-нелегалов над меркантилистским феодально-бюрократическим предпринимательством.

Защитавшие интересы монополистов—«рентоискателей» меркантилистские государства Западной Европы вводили детальные производственные стандарты и ценовые регламенты. Однако натиск нелегального конкурентного производства неуклонно

возрастал: контрабандисты предлагали дешевый безакцизный товар, мелкие предприниматели производили нужные потребителям товары, невзирая на королевские патенты, подкупленные чиновники «закрывали глаза» на учащающиеся нарушения. В конце концов, мирным ли (как в Англии) или насильственным (как во Франции) путем, меркантилистская система была сломлена. Монополии лишились правовой защиты и практически все получили свободный доступ к предпринимательству: «...людям развязали руки, и их энергия направилась не на борьбу с государством, а на производительный труд»⁷. Таким образом, *неформальная теневая экономика стала тараном капиталистической революции*.

Вторая из перечисленных «великих революций», социалистическая, в наименьшей степени была стихийной, в наибольшей степени являлась опытом социальной инженерии. Однако и в этом случае сложившаяся в начале 1920-х гг. более-менее устойчивая хозяйственная система стала результатом компромисса между сознательной реализацией коммунистической доктрины и вынужденным признанием стихийного «институтостроительства». Главным теневым институтом, который подготовил экономику НЭПа, было массовое мешочничество — объявленная вне закона мелкая торговля (спекуляция) потребительскими товарами (прежде всего, продуктами питания).

Согласно распоряжениям советского правительства, собирать и затем распределять все хлебопродукты должен был Наркомпрод. Фактически же в руки советских органов власти попадало в начале периода «военного коммунизма» лишь примерно 1/4 потребляемого хлеба, и даже в конце, после создания системы продотрядов, — примерно 3/4⁸. Очень значительная часть сельскохозяйственной продукции уходила на подпольный рынок, где цена в несколько раз превышала предписанный государством уровень. Деятельность мешочников облегчалась тем, что большинство населения поддерживало их деятельность, и даже представители официальных властей были вынуждены проводить двусмысленную политику полуборьбы-полууступок⁹.

Зародившись в сфере сельского хозяйства и торговли, неформальная теневая экономика «военного коммунизма» очень быстро охватила и промышленность. Городские рабочие, чтобы заработать на покупку хлеба у мешочников, начали в массовом

порядке в свободное и даже в рабочее время мастерить зажигалки для неформального товарообмена. Немыслимые масштабы приобрели мелкие хищения. Даже государственные предприятия были вынуждены приобретать оборудование и дефицитные материалы на нелегальном рынке, поскольку официальных поставок категорически не хватало.

Теневой рынок втягивал и советских чиновников. Уже в 1918 г. установилась своеобразная шкала взяток, за которые продотрядовцы пропускали не только отдельных мешочников, но и целые нелегальные обозы¹⁰. На исходе «военного коммунизма» органами ВЧК были уличены в занятиях хищениями и спекуляцией руководящие работники едва ли не всех наркоматов. Рядовые работники национализированных предприятий не отставали от начальников и растаскивали до 2/3 производимой ими продукции¹¹. Украденное немедленно уходило на теневой рынок.

Точно так же, как неформальная экономика раннего нового времени подготовила буржуазные революции, мешочничество «военного коммунизма» привело большевистских лидеров к «перемене всей нашей точки зрения на социализм». С ликвидацией в 1921 г. хлебной монополии рыночный товарообмен между городом и деревней легализовался, перешел из теневого в официальный сектор. Хотя в конце 1920-х гг., в годы «великого перелома», пространство рыночных отношений резко сократилось, однако к политике полного искоренения рынка сельхозпродуктов советское правительство уже никогда не возвращалось. Таким образом, *действия «теневиков» привели к сокращению границ обобществления производства, легализации внутри социалистической экономики рыночного сектора.*

Трудно переоценить и роль теневой экономики в подготовке последние десятилетия существования СССР «неокапиталистической» революции.

«Открытие» советской теневой экономики произошло в 1970-е гг., когда зарубежные советологи начали изучать самостоятельную хозяйственную жизнедеятельность в странах «социалистического лагеря», приглушенную претензиями централизованного планирования на тотальный учет и контроль, но отнюдь не уничтоженную. «Первооткрыватели» подчеркивали, что фактически действующие механизмы экономики СССР заметно

отличаются от формально провозглашенной модели тотального учета и контроля, пропагандируемой в официальной советской прессе. «Советский опыт показал, в противовес марксистским ожиданиям, что плановая социалистическая система нуждается в элементах рынка, — писал Арон Каценелинбойген. — В самом деле, можно говорить о целом ряде [разновидностей] рынков, существующих в СССР»¹².

Предложенный А. Каценелинбойгеном подход к советской экономике предлагал рассматривать ее как своеобразный синтез официально-плановых отношений с рыночными — легальными, полулегальными и совершенно нелегальными. Тем самым по существу ставился вопрос о *скрытой многоукладности* советского хозяйственного строя. В 1980-е гг. советологи вообще стали приходить к мнению, что за ширмой всеобщей планомерности и зарегулированности в СССР фактически скрывалась *экономическая система смешанного типа*, где неформальное, неконтролируемое производство играло во многих отношениях не меньшую роль, чем производство официальное.

Разрастание в СССР 1960–1980-х гг. теневого рынка обычных товаров и услуг прививало «простому советскому человеку» некоторые элементарные представления о рыночных отношениях: надо строить с людьми отношения взаимовыгодно, по принципу «ты — мне, я — тебе»; деньги — великий соизмеритель; купля-продажа должна осуществляться в ситуации выбора и по взаимному согласию сторон. Поскольку в советской системе участниками нелегальных рыночных отношений был буквально каждый, то эта тотальность теневых рыночных связей облегчила рыночную модернизацию 1990-х гг. Многие рыночные институты (например, посредническая торговля) отнюдь не рождались на пустом месте, а всего лишь трансформировались из теневых в легальные. Именно *советская теневая экономика*, а не «вылазки» малочисленных диссидентов, *сыграла главную роль в подготовке перехода от командной экономической системы к рыночному хозяйству*.

Таким образом, во всех трех социально-экономических революциях теневые экономические отношения сыграли очень важную роль. Именно внутри теневой сферы сформировались те рыночные институты, которые затем стали основополагаю-

щими (эпохи буржуазных и «необуржуазных» революций) или, по крайней мере, существенно важными (эпоха социалистической революции).

Инновационная функция теневых экономических отношений во внутрисистемных сдвигах. Теневая экономика играет важную роль не только в межсистемных, но и во *внутрисистемных сдвигах*.

Саморазвитие любой социально-экономической системы предполагает институциональные изменения. Эти изменения не всегда удается предугадать и заранее подготовить для них соответствующее правовое обеспечение. Возникает ситуация, когда новый институт сам по себе не запрещен, но его функционирование порождает постоянные нарушения старых правовых норм. Кроме того, легализация многих инноваций сознательно задерживается из-за тормозящего влияния культурных стереотипов. В результате между возникновением спроса на новый институт и формированием легального института проходит более или менее значительный промежуток времени, в течение которых действуют институты теневой экономики.

Эта инновационная функция теневой экономики проявляется и в формировании новых организационных структур, и в возникновении новых отраслей коммерческой деятельности.

Примером инновационной функции теневых отношений, связанной с созданием новых организационных структур, является переход от капитализма свободной конкуренции к «монополистическому» капитализму в конце XIX в.

«Старый» капитализм, основанный на конкуренции многих мелких и средних производителей, не требовал систем кооперации бизнеса и власти. Теперь же начали формироваться олигополистические финансово-промышленные группы, чье функционирование очень сильно зависело от позиции политической власти. В результате резко растет коррупция как система теневого лоббизма. Яркий тому пример — деятельность американских «баронов-разбойников» (типа Джея Гулда или Джона Моргана), едва ли не демонстративно нарушающих законы.

Формирование крупного бизнеса было связано в США второй половины XIX в. в значительной степени с железнодорожным строительством. Поскольку система акционерного бизнеса

еще делала первые шаги, реализация долгосрочных инвестиционных проектов требовала государственных субсидий. Получение этих субсидий, с одной стороны, проходило в атмосфере систематического подкупа правительственных чиновников, а с другой стороны, позволяло «акулам бизнеса» превращать львиную долю субсидий и средств от продажи ценных бумаг в свой личный доход. В результате все без исключения «бароны-разбойники» были, по словам современного американского экономиста Дж.Б. ДеЛонга, «абсолютно, полностью коррумпированными»¹³. Сами «акулы» выставляли себя «порядочными людьми», вынужденными раздавать направо и налево взятки политическим деятелям «ради правого дела». Фактически, однако, само строительство железных дорог являлось для «баронов-разбойников» лишь средством для полукриминального рентоискательства, деятельности в сфере «второй» теневой экономики.

Так, при строительстве сданной в эксплуатацию в 1869 г. Центрально-Тихоокеанской железной дороги организаторы этого проекта «бароны-разбойники» Коллис Хантингтон и Лиланд Стэнфорд собрали капитал почти на 80 млн дол. (включая 24 млн от правительства), из которых собственно на строительство потратили только около 50 млн, а оставшиеся 30 млн прикарманили¹⁴. Всего за 1860–1870-е гг. в ходе реализации правительственных программ субсидирования западных железных дорог несколько плутократов с хорошими политическими связями (среди лиц, замешанных в коррупционных скандалах, были политики высшего уровня, вплоть до самого президента Гранта) расхитили примерно 100 млн дол.¹⁵ Деятельность спекулянтов-коррупционеров удалось обуздать лишь несколько десятилетий спустя: в 1910-е гг., при Теодоре Рузвельте, начались антитрестовские судебные процессы, а в 1930-е, при Франклине Рузвельте, проведены финансовые реформы, направленные на предотвращение концентрации чрезмерной экономической власти в руках финансистов.

Рентоискательская деятельность американских «баронов-разбойников» получает в наши дни очень двусмысленные оценки. С одной стороны, и современники, и современные историки-экономисты видят в них расхитителей с антиобщественной моралью. С другой стороны, признают, что без них, например,

строительство американских железных дорог задержалось бы на несколько десятилетий. «В какой степени джеев гулдов и лиландов стэнфордов можно считать неприятным, но терпимым побочным эффектом успешного... экономического развития?»¹⁶ — ставит вопрос Дж.Б. ДеЛонг и не находит ясного ответа.

В любом случае можно признать, что из деятельности «баронов-разбойников» выросли такие легальные институты как крупный акционерный бизнес и организованный лоббизм. Оба они являются важнейшими характеристиками новой, олигополистической стадии рыночного хозяйства (в советской терминологии — «государственно-монополистического капитализма»).

Другой тип инновационной роли теневого отношений во внутрисистемных сдвигах, когда теневая экономика создает новые рынки, «проламывая» культурные стереотипы и юридические ограничения, можно проследить по развитию коммерческих отношений в сферах, связанных с распоряжением человеком своим телом. Речь идет о таких видах деятельности, как производство аборт, эвтаназия, проституция и торговля трансплантатами.

Во всех четырех случаях в XIX–XX вв. складывалась однотипная ситуация: есть спрос на определенный товар или услугу, есть и добровольное их предложение, однако куплю-продажу официально запрещают. Главным основанием для запрета являются этические стереотипы (как правило, связанные с христианской моралью), ограничивающие свободу распоряжаться «богоданной» жизнью и телом. Хотя сами эти стереотипы восходят к библейским временам, их юридическая формализация завершилась относительно недавно, в первой половине XX в.¹⁷ В результате первоначально легальные проституция и производство аборт ушли в «тень»; эвтаназия и торговля человеческими органами, родившись в «тени», так там и остаются.

В современном мире (особенно, после «молодежной революции» 1960-х гг.) моральные нормы, запрещающие взрослым людям распоряжаться своей жизнью и своим телом, перестали восприниматься как общепринятые. Более того, прогресс медицины сделал возможным такие принципиально новые услуги, как облегчение ухода из жизни и пересадку человеческих органов. Однако формальные нормы права продолжают карать за нарушение «божественных» табу. Поэтому старые отрасли (проституция

и производство абортот) продолжали оставаться нелегальными, а новые отрасли (эвтаназия и коммерческая трансплантация тканей) изначально рождались в сфере теневой экономики.

Поскольку речь идет о запрещенных товарах и услугах, то криминальные аборты, помощь в добровольном уходе из жизни, оказание сексуальных услуг и торговлю человеческими органами следует включать в «черную» теневую экономику. Фактически и проституция, и торговля трансплантатами являются в настоящее время сферой, контролируемой организованными преступными группировками.

Подобно тому, как неформальное предпринимательство раннего нового времени прокладывало путь «нормальному» капитализму, так и расширение теневой коммерческой деятельности, связанной с распоряжением своим телом, постепенно меняет общественные унастроения, подготавливая постепенную отмену запретов. Аборты в настоящее время легализованы почти во всех странах мира (хотя, скажем, в США после легализации абортов в 1973 г. продолжают острые дискуссии о ее правомерности). Коммерческая проституция в последние годы стала легальной отраслью экономики в ряде стран мира — в Голландии, Германии, Турции и т.д. Эвтаназия пока легализована только в Голландии. Что касается торговли трансплантатами, то в одних странах она прямо запрещается (в т.ч. в России), в других законодательство по этому поводу вообще отсутствует. Тем не менее, многие врачи выступают за легализацию торговли человеческими органами.

Итак, под влиянием теневой экономической деятельности уже родились такие отрасли сферы услуг, как производство абортов и секс-бизнес. Возможно, что в ближайшие годы к ним добавятся помощь в уходе из жизни и торговля трансплантатами.

Можно привести и другие примеры, когда новая отрасль экономики первоначально была легальной, потом признавалась «порочной» и криминализировалась, долгое время развивалась в теневом секторе и затем постепенно легализовывалась. Так было, например, в США с игорным бизнесом, а также с производством и торговлей спиртными напитками. По схожей траектории развивается в XVIII–XXI вв. наркоторговля.

Таким образом, теневая экономика может играть инновационную роль во внутрисистемных сдвигах, стимулируя переход

от одной стадии формационного развития к другой, а также рождение новых сфер коммерческой деятельности.

2. Теневая экономика как дубликат господствующих институтов

Институциональное дублирование. Итак, первая ипостась теневой экономики — быть инструментом нащупывания, строительства новых институтов. Следует подчеркнуть, однако, что хотя среди «теневиков» есть те, кого Й. Шумпетер назвал бы предпринимателями-новаторами, эти люди отнюдь не составляют основного контингента людей, уклоняющихся от закона. Основная масса «теневиков» — это те, кто принимает основные общепринятые «правила игры» и нарушает лишь некоторые из них. В таком случае теневая экономика образует экономическую подсистему, дублирующую господствующие в обществе институты. Не случайно в англоязычной литературе часто используется термин «параллельная экономика», подчеркивающий конгруэнтность «светлой» и теневой сфер хозяйственной деятельности.

Если *институциональные инновации* уже давно стали объектом пристального внимания обществоведов, то *институциональное дублирование* специального внимания пока не привлекало. Между тем в рамках институционально-эволюционной парадигмы экономической теории, использующей аналогии между развитием социального организма и биологических систем, такая идея напрашивается сама собой.

В природных биоценозах и в организме человека почти ни одна функция не выполняется одним-единственным видом или органом. Чем больше в системе взаимозаменяемых элементов, тем более она устойчива, поскольку разрушение одного из них не ведет к гибели системы в целом.

Метод дублирования важнейших функций сознательно используется при строительстве легальных институтов. Например, защиту правопорядка в большинстве стран современного мира осуществляют не только различные органы внутренних дел, но и некоторые службы национальной безопасности, а также частные коммерческие организации.

Институциональное дублирование осуществляется и в спонтанном режиме, без сознательного институтостроительс-

тва. Для подтверждения этого тезиса достаточно задуматься о разграничении функции трех основных субъектов рыночного хозяйства — домохозяйств, фирм и государства. В рамках неоклассической экономической теории предполагается четкое разграничение: домохозяйства обеспечивают выживание людей, фирмы — производство частных благ, государство — производство общественных благ. Однако на практике очень часто наблюдается частичная субституция: в семейных фирмах бизнес ведется скорее ради благосостояния всех членов семьи, чем ради максимизации прибыли; японская фирма претендует на то, чтобы давать своим работникам не только заработок, но и социальные гарантии, как семья; транснациональные корпорации регулируют правила международного бизнеса и навязывают свои правила некоторым государствам; и т.д.

Множественность институтов, выполняющих схожие функции, ведет к постоянной конкуренции между ними, а тем самым к автоматическому отбору лучших и совершенствованию работы всех участников институциональной конкуренции. Ликвидация этой множественности привела бы к гашению конкуренции, а тем самым и к понижению эффективности монопольного института.

Одной из ипостасей теневой экономики является *дублирование тех «правил игры», которые приняты в легальной экономике.*

Тезис о теневой экономике как дубликаты господствующих институтов наиболее очевиден в отношении «серого» (неформального) и «второго» («беловоротничкового») сегментов современной теневой экономической деятельности. В обоих случаях перед нами — рынок, на котором действуют законы конкуренции, а цена формируется под влиянием спроса и предложения. Отступление от институциональной нормы заключается лишь в том, что нарушаются правила потребления общественных благ. В частности, неформал отказывается участвовать в финансировании производства этих благ (т.е. платить налоги) и потреблять некоторые из них (законы и правила), а коррумпированный чиновник превращает общественное благо в частное (требует частной оплаты, взятки, за исполнение служебных обязанностей). Поэтому акторы «серой» и «беловоротничковой» экономики выступают как продавцы и покупатели, фирмы и домохозяйства.

Но можно ли утверждать, что и «черная» теневая экономика тоже дублирует господствующие институты? Ведь современная рыночная экономика основана на контрактных, договорных отношениях, а деятельность преступников, казалось бы, органически связана с насилием.

Однако если рассмотреть организованную преступность с точки зрения экономической теории организации, то можно заметить черты, сближающие ее со всеми тремя типами экономических субъектов легальной экономики — и с фирмой, и с государством, и с домохозяйством¹⁸.

Мафия как система криминальных фирм. Организованная преступность столь же стара, как и цивилизация: пиратские флотилии и разбойничьи банды встречаются уже на самых первых страницах истории. Однако современная организованная преступность, возникшая примерно век тому назад, имеет принципиальные отличия от преступных организаций доиндустриальных обществ. Возникновение организованной преступности современного типа — это качественно новый этап развития преступного мира. Если «архаичные» бандиты являлись маргиналами, аутсайдерами общества, то деятельность современных мафиози строится в основном по законам бизнеса, а потому мафия стала довольно органическим институтом рыночного хозяйства.

В связи с этим целесообразно вспомнить предложенную Максом Вебером концепцию двух принципиально различных типов «жажды наживы»¹⁹. Авантюристическая жажда обогащения путем *перераспределения* ранее созданных благ (в т. ч. путем грабежа и воровства) наблюдается в самых разных обществах с древнейших времен. Но только в условиях капиталистического строя складывается отношение к богатству как к закономерному результату рациональной деятельности по *производству* потребительских благ. Поскольку существует два типа «жажды наживы», постольку существует и два вида организованной преступности — традиционная и современная.

Традиционная организованная преступность (в качестве примера можно вспомнить, например, пиратов Карибского моря XVII в. или банду знаменитого Каргуша — «короля» парижских грабителей начала XVIII в.) была всецело основана на насилие. *Современная организованная преступность* совершает главным

образом «преступления без жертв» — занимается деятельностью, от которой выигрывают (хотя бы и иллюзорно) не только преступники, но и те, кто пользуется их услугами.

Отечественные и зарубежные криминологи единодушно подчеркивают следующие основные характеристики организованной преступности:

- а) устойчивость и долговременность,
- б) стремление к максимизации прибыли,
- в) тщательное планирование своей деятельности,
- г) разделение труда, дифференциация на руководителей разного уровня и исполнителей — специалистов разного профиля,
- д) создание денежных страховых запасов («общаков»), которые используются для нужд преступной организации.

Вполне очевидно, что все эти признаки полностью копируют характерные особенности легального капиталистического предпринимательства²⁰. По своей организационной структуре современная мафия²¹ также в основном схожа с обычной фирмой (или с финансово-промышленной группой).

Итак, *современная организованная преступность* является, по существу, *особой отраслью бизнеса — экономической деятельностью профессиональных преступников, направленной на удовлетворение считающихся антиобщественными остродефицитных потребностей рядовых граждан.*

Трактовка современной организованной преступности как преимущественно экономического феномена нашла отражение даже в официальных определениях организованной преступности. Например, в США закон 1968 г. о контроле над преступностью характеризует организованную преступность как «противозаконную деятельность членов высокоорганизованной и дисциплинированной ассоциации, занимающейся поставкой запрещенных законом товаров или предоставлением запрещенных законом услуг»²². А в 1993 г. Генеральный секретарь ООН в докладе «Воздействие организованной преступной деятельности на общество» определил организованную преступность как деятельность преступников, объединившихся на экономической основе для предоставления незаконных услуг и товаров или для предоставления законных услуг и товаров в незаконной форме²³.

Почему же профессиональные преступники, занятые производством запрещенных товаров и услуг, создают организованные сообщества, а не ведут вольную жизнь независимых одиночек? Логика ответа на этот вопрос повторяет логику объяснения причин возникновения фирм в легальной экономике.

Прежде всего, очевидно, что организованность становится необходима преступникам, когда их деятельность требует разделения труда.

С экономической точки зрения, преступная деятельность как таковая складывается из двух компонентов:

1) *«перераспределительная преступность»* — преступные действия, сводящиеся исключительно к перераспределению доходов вне связи с каким-либо производством (кражи, грабежи и т.д.), и

2) *«производительная преступность»* — преступный бизнес, приносящий доходы от производства и продажи запрещенных законом или остродефицитных товаров и услуг.

В первом случае преступная деятельность, как правило, не требует разделения труда (либо оно минимально). Эффект масштаба при этом отрицателен: увеличение численности преступной группы не намного увеличивает «эффективность» преступных действий (количество добычи, приходящейся на каждого бандита), но сильно повышает вероятность попасться в руки стражей порядка. Поэтому преступления такого рода совершаются либо преступниками-одиночками, либо относительно немногочисленными группами (бандами), срок деятельности которых недолог (часто они изначально создаются, чтобы «сорвать куш и разбежаться») ²⁴.

Во втором случае, напротив, преступная деятельность «обречена» на коллективизм: преступное производство подчиняется тем же закономерностям, что и производство легальное, т.е. требует разделения труда и специализации. При этом возникает проблема транзакционных издержек — издержек создания и поддержания устойчивых отношений между многочисленными участниками преступного бизнеса. «Формируя организацию и предоставляя некоему авторитету (“предпринимателю”) право направлять ресурсы, можно сократить некоторые рыночные издержки», — пишет Рональд Коуз ²⁵. Именно поэтому при пе-

реходе преступников к новым, производительным преступным промыслам формируются возглавляемые криминальными авторитетами преступные группы — мафиозные фирмы, каждая из которых минимизирует издержки налаживания взаимоотношений между преступниками разных «специальностей».

Занятые экономической деятельностью преступники должны налаживать отношения также с окружающей общественной средой. Чем шире размах преступной деятельности, тем дороже обходится противодействие конкурирующих преступников и правоохранительных органов. Поэтому широкомасштабная стационарная преступная деятельность требует заключения взаимовыгодных негласных контрактов, с одной стороны, между преступными бандами и, с другой стороны, бандитов с органами правопорядка. Преступные организации делят сферы влияния (территории, виды деятельности), договариваясь о правилах сотрудничества и конкуренции. Бюстители порядка получают от мафии постоянное денежное содержание (или иные полезные услуги, например, помощь в сдерживании неорганизованной преступности), обязуясь не проявлять «чрезмерного» служебного рвения. Создание преступной организации уменьшает расходы на договоренности и взятки, приходящиеся на одного гангстера, поскольку уменьшается число участников сделки (главари банды действуют от имени всех ее членов).

Негласный контракт мафии с органами правопорядка невозможен, если рядовые граждане будут слишком решительно его осуждать, требуя ликвидации коррупции. Чтобы предотвратить общественное возмущение, организованная преступная группа должна заключить негласные контракты и с обществом, и с неорганизованной преступностью. Мафия обычно сама минимизирует вызывающие криминальные действия (убийства, грабежи)²⁶ и сдерживает их проявления со стороны неорганизованных преступников. Рядовые граждане получают возможность покупать запрещенные и дефицитные товары или услуги, многие из них находят работу на мафиозных предприятиях.

Таким образом, *организованная преступная группа представляет собой систему негласных отношений контрактов, минимизирующих транзакционные издержки преступной деятельности.*

Модель преступной организации как системы негласных контрактов носит, естественно, обобщенно-абстрактный характер. Реальная организованная преступность стремится к этому идеалу, но далеко не всегда его достигает. В наибольшей степени ему соответствует организованная преступность Японии, которая действует наиболее открыто, поддерживая тесные связи с полицией²⁷.

Мафия как теневое правительство. Деятельность преступных организаций, которые считаются типичными для организованной преступности (мафиозные «семьи» Италии, якудза в Японии, китайские триады и др.), отнюдь не сводится к нелегальному предпринимательству. Все эти мафиозные организации существовали еще до того, как сформировались современные нелегальные рынки (рынок наркотиков, «живого товара», оружия, антиквариата, угнанных автомашин и т.д.): если рынки нелегальных товаров стали складываться только после Второй мировой войны, то почти все знаменитые мафиозные ассоциации (за исключением американской «Коза Ностра») активно действовали по меньшей мере с середины XIX в.

Превращение преступных сообществ в подобия легальных фирм соответствует, очевидно, достаточно развитому уровню их развития. На ранних стадиях мафиозные организации играют роль, скорее, своего рода теневых правительств. Впоследствии эти черты сходства заметно ослабевают, но полностью не исчезают. Чтобы доказать это, рассмотрим рэкет-бизнес, с которого, как правило, и начинается история любой мафиозной организации.

Рэкет — это сбор гангстерами «дани» под угрозой причинения физического и имущественного вреда. Собирая дань, преступная организация обычно гарантирует обложенным «данью» предпринимателям защиту от вымогательств других преступных групп или преступников-одиночек. Чтобы гарантировать стабильную плату, рэкетеры стремятся брать на себя роль верховного арбитра в спорных ситуациях, связанных с имущественными спорами между своими клиентами (долговые обязательства, исполнение контрактных соглашений).

Занимаясь рэкетом, преступная организация продает услуги по защите прав собственности — защите от всех криминальных элементов, в том числе и от членов данной организации. Пра-

воохранительные услуги всегда относят к числу общественных благ (public goods), производство которых является монополией государства. Поэтому развитие рэкет-бизнес следует рассматривать как форму *криминального политогенеза*, создания теневого эрзац-правительства, конкурирующего с официальным правительством. «...Мафия выполняет функции правительства (исполнение законов и криминальное судопроизводство), — пишет по этому поводу известный американский экономист-криминолог Э. Эндерсон, — в той сфере, где законная судебная система терпит фиаско в осуществлении своих полномочий»²⁸. Выполнять функции криминального правительства, которое берет на себя организацию «теневого» правосудия, по силу не преступникам-одиночкам и не мелким конкурирующим бандам, а только крупным организациям, действующим долгие годы. Кроме того, возникает необходимость в постоянной координации действий различных преступных организаций с целью предотвращения взаимных столкновений из-за спорных территорий. Для этого создаются специальные «советы директоров», состоящие из руководителей крупнейших преступных «семей», на регулярных собраниях которых осуществляется стратегическое планирование криминальной деятельности и урегулирование конфликтов.

Начав с *монополизации публично-правовых функций*, крупные преступные организации быстро переходят к *монополизации отдельных видов криминального производства* — осуществляют своего рода «национализацию». В сущности, каждая преступная организация стремится создать вместо гангстерского рыночного хозяйства гангстерскую командную экономику, полностью заменив конкуренцию централизованным распределением. Однако, в полной мере это практически невыполнимо.

Полной монополизации преступного бизнеса одной организацией препятствует, прежде всего, сама технология криминального производства. В преступных промыслах, как и в легальных, монополизируются лишь те отрасли, где объективно существуют монополистические барьеры: эффект масштаба, возможность захватить редкие сырьевые ресурсы. Поскольку во многих сферах криминального бизнеса таких барьеров нет, то скольконибудь его полная монополизация заведомо невозможна.

Кроме того, чем крупнее и сильнее преступная организация, тем выше вероятность, что она станет объектом преследования силами правопорядка, обеспокоенных появлением альтернативного центра власти (именно так было, например, с Медельинским наркокартелем в Колумбии 1980-х гг.).

В силу этих объективных обстоятельств полная «национализация» каких-либо криминальных промыслов «теневым правительством» практически неосуществима²⁹. Развитая организованная преступность предстает перед исследователем как сеть локально-монополистических фирм, схожих с суверенными княжествами, между которыми не прекращается конкуренция за передел старых и освоение новых рынков.

Мафия как преступное домохозяйство. Внутренняя организация мафии имеет, как уже отмечалось, заметные черты сходства с обычной фирмой (разделение труда, иерархичность). Легальная фирма, будучи участником рыночных отношений, по своей внутренней структуре является миниатюрной командной экономикой; аналогично, преступная организация конкурирует с другими организациями, однако внутри нее элементы конкуренции сознательно подавляются. Но в мафиозных семьях есть черты, невозможные в обычных фирмах: круговая порука мафии далеко превосходит обычную лояльность служащих корпораций. Например, нормой поведения членов преступных сообществ является готовность жертвовать собой ради «общества» (например, отказываться от сотрудничества с полицией даже под угрозой тяжелого наказания), чего крайне трудно было бы ожидать от сотрудника легальной фирмы.

При объяснении монолитности преступных организаций обычно говорят, что нарушение «омерты» (закона молчания) наказывается смертью (часто не только самого нарушителя, но и членов его семьи). Однако страх сурового наказания — отнюдь не единственное, а, возможно, и не главное условие сплочения гангстеров. Основой мафиозных объединений, как подчеркивает немецкий социолог Л. Паоли³⁰, выступают прежде всего отношения «ритуального родства», вытекающие из «*братского*» контракта, который заключает на неограниченный срок каждый новый член преступной группы. На членов мафиозных объединений возлагаются обязанности оказывать друг другу материальную и иную по-

мощь. «Подпись» под таким контрактом означает, что новичок не только отныне разрывает свои связи с семьей и старыми друзьями, но и обязан при необходимости пожертвовать даже собственной жизнью ради интересов преступной группы. Это предполагает господство внутри группы альтруистических взаимоотношений без ожидания наград, по типу отношений в архаичных общинах. Даже сам акт приема новых членов часто обставляется ритуалом, напоминающим инициационные обряды первобытных племен, но вовсе не найм на фирму³¹. Младшие члены мафии не имеют права отказываться от выполнения распоряжений старших. Отношения фиктивного родства придают криминальным организациям экстраординарную прочность, которую невозможно найти в предпринимательских фирмах.

Конечно, «мафиозное братство» характерно прежде всего для «старых» преступных организаций (триады, якудза, сицилийская мафия), зародившихся еще в до- и ранне-индустриальных обществах. Впоследствии дух общинного коллективизма стал постепенно улетучиваться, заменяясь обычным стремлением к личной выгоде. Поскольку, однако, «мафиозное братство» служит эффективным противодействием усилиям стражей порядка уничтожить преступные организации, общинная ментальность сохраняется в них гораздо прочнее, чем в обычном мире законопослушных граждан.

Таким образом, преступные организации следует считать не только криминальными фирмами, не только теневыми правительствами, но и преступными братствами общинного типа, близкими к домохозяйствам. В современном мире основным «лицом» мафиозных организаций становится «лицо» фирмы, а функции теневых правительств и преступных братств уходят на задний план, но окончательно не исчезают.

Итак, даже «черная» теневая экономика дублирует институты господствующей социально-экономической системы, выступая в ролях всех трех субъектов современной легальной экономики.

3. Теневая экономика как механизм институциональной утилизации

Институциональная утилизация. Если для формирования институциональных инноваций теневая экономика полезна, то

для их «укоренения» она, наоборот, опасна. Чтобы новые «правила игры» стали массовыми, они должны потерять привкус криминальности, получить одобрение формального права и массового сознания. Однако теневая экономическая жизнедеятельность порождает многие нормы, которые облегчают «жизнь в тени», но препятствуют «перелету из тени в свет». Поэтому превращение бывших теневых «правил игры» в легальные вовсе не отменяет необходимости борьбы за «очищение» новых институциональных практик от теневого «наследия».

Пока новые «правила игры» имеют нелегальный статус, для их участников — энергичных авантюристов — просто необходимо умение идти на нарушение закона (или иных общепринятых норм) с легким сердцем. Однако это «наплевательское» отношение к закону в принципе не может на долгое время стать общепринятым. Любая деловая культура держится на уважении Закона (не обязательно чисто юридического), в противном случае бизнес превращается в «игру без правил» и саморазрушается. Поэтому легализация каких-либо теневых отношений категорически не должна означать легализацию беззаконья.

Помимо неуважения к закону «теневое» наследие опасно тем, что *в сферу теневых отношений «сбрасываются» элементы «старых» социально-экономических систем.* В теневой экономике эти отжившие институты продолжают еще долго действовать, сохраняя потенциальную возможность пережить «второе рождение». Поэтому разрастание теневых отношений часто означает регенерацию пережитых институтов, что ведет к торможению общественного развития.

Тщательно отслеживая, как *рождаются* новые институты, обществоведы практически не интересуются тем, как они *отмирают*. Между тем этот процесс очень важен — мертвые цепко хватают живых. Реликтовые отношения могут при некоторых условиях вернуться из теневой в легальную сферу, порождая феномен неотрадиционных отношений³².

Теневая экономика полезна обществу как «отстойник» реликтовых отношений, так же как людям нужны мусоропроводы и свалки. «Отходы» институционального развития существуют так же объективно, как и, скажем, отходы питания. Их можно убрать «с глаз», но они от этого не исчезнут.

Институциональные «отходы» существуют в культуре, которая хранит память о практиках хозяйственного поведения «давно минувших дней», очень часто приукрашивая их и облагораживая. Они сохраняются и в маргинальных сообществах, которые сознательно противопоставляют себя «большому миру» и культивируют традиции, которые подчеркивают их «инаковость». Поскольку мир «теневой экономики», по определению, антагонистичен легальному миру, он лучше всего приспособлен для сохранения тех «правил игры», от которых легальный мир уже отказался.

Сохранению отживших институтов в нише теневой экономики способствуют отрицательные эффекты масштаба, свойственные некоторым видам хозяйственной деятельности. Скажем, насилие и централизованное перераспределение неэффективны, если эти методы организации взаимоотношений между людьми применять на уровне общества в целом как главные «правила игры». Но они могут давать хороший эффект на локальном уровне.

Это хорошо заметно даже в легальной сфере, где тоже есть свои «отстойники» для старых институтов. Одним из них, например, является современная армия — институт, построенный именно на принципах насилия и централизованного перераспределения, которые уже вытеснены из сферы официальной экономики.

Чтобы проследить институциональную утилизацию, выделим основные потенциально возможные системы правил социально-экономических взаимоотношений. Согласно типологии австро-американского социолога Карла Поланьи, есть три основные системы отношений:

1) *реципрокность* — добровольный обмен без разделения труда, симметричный или асимметричный в зависимости от того, каков социальный статус его участников;

2) *редистрибуция* — централизованное принудительное перераспределение, организуемое в рамках вертикального разделения труда между неравными членами социума;

3) *рынок* — добровольный симметричный обмен, основанный на горизонтальном разделении труда.

В литературе уже указывалось, что типология Поланьи не совсем полна. К ней, в частности, можно добавить *альтруизм* — добровольную раздачу благ без разделения труда и без ожидания

ответных даров (есть, впрочем, мнение, что альтруизм можно истолковать как одну из форм реципрокности). Другой возможной формой хозяйственных отношений является *насилие* — принудительное перераспределение без разделения труда.

Глобальный тренд развития общества можно представить примерно так: насилие → реципрокность → редистрибуция → рынок → альтруизм. Конечно, эта схема довольно условна — нет ни одной социально-экономической системы, которая бы базировалась лишь на каком-то одном из перечисленных институциональных принципов. Эту схему надо истолковывать так, что в обществе обычно действуют все пять метаинститутов. Однако значение стоящих в начале цепочки постепенно понижается, а значение стоящих в конце — растет.

В современную эпоху главным метаинститутом является, конечно, рынок. Но наряду с ним в легальной экономике действуют и редистрибуция (исполнение государственного бюджета, внутрифирменные трансферты), и реципрокность (отношения между домохозяйствами), и даже насилие (борьба за ресурсы между разными государствами путем войн).

В теневой сфере тоже есть все эти метаинституты. Сильнее всего в ней представлены те отношения, которые связаны либо с прямым насилием, либо с централизованным принудительным перераспределением. Проследим на двух примерах, как происходило вытеснение этих архаичных отношений из легальной экономики в теневую.

Эволюция «экономики насилия» (на примере торговли людьми). Крайней формой насилия в социально-экономических отношениях является торговля людьми. Человек при этом явно приравнивается к вещи, полностью лишается какой-либо свободы выбора. Как правило, торговля людьми сопряжена с рабством, когда лишенных свободы людей эксплуатируют в хозяйстве рабовладельца. Возможны, однако, ситуации, когда отношений рабства нет, но есть торговля людьми.

Работорговля была органическим элементом жизни античных обществ (в традиционной марксистской историографии их называли рабовладельческими) и доколониальных обществ Востока. Менее известно, что и в средние века в Западной Европе эксплуатация рабов и работорговля оставались законными

видами хозяйственной деятельности, хотя и более ограниченными. Например, церковь осуждала обращение в рабство и торговлю рабами-христианами. В новое время, однако, наступил почти четырехвековой ренессанс рабства, связанный главным образом с трансатлантической торговлей неграми-рабами³³.

С XVI в. и вплоть до начала XIX в. торговля неграми-рабами являлась для западноевропейских судовладельцев вполне обычной коммерцией, отличающейся от торговли, например, вином или текстилем лишь несколько более высоким риском и, соответственно, более высокой нормой прибыли. В течение более трех столетий трансатлантическая работорговля не нарушала правовых норм. Например, в 1698 г. английский парламент принял закон, официально разрешающий частным лицам заниматься работорговлей. На короткое время возродилась даже торговля «белыми» рабами.

Перелом произошел в XIX в., после того как в 1807 г. парламент Великобритании запретил работорговлю, а затем аналогичные запреты приняли и другие страны. Создалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, завозить новые партии рабов из Африки в Америку было запрещено, но с другой стороны, плантационное рабовладельческое хозяйство процветало еще несколько десятилетий (в южных штатах Североамериканских Соединенных Штатов — до 1865 г., на Кубе — до 1886 г., в Бразилии — до 1888 г.). Естественно, появилось множество судовладельцев, готовых на свой страх и риск уменьшить разрыв между высоким спросом на рабов и низким легальным предложением.

Поскольку в странах Америки негры-рабы оставались обычным товаром, деятельность нелегальных судовладельцев-работорговцев 1807–1865 гг. можно рассматривать как разновидность «серой» (неформальной) экономики, принципиально не отличающуюся (с точки зрения самих нелегальных коммерсантов) от, например, контрабанды солью или любым иным товаром. Эта разновидность неформальной экономической деятельности, конкурентная и полулегальная, отличалась от современных ее видов достаточно большим числом работников «фирмы» (экипаж невольничьего корабля составлял не менее полусотни человек), крупным оборотом и очень высокими доходами. Каждый судовладелец-работорговец действовал самостоятельно, но при

негласной поддержке «формального» бизнеса: власти тех стран, где он сбывал свой товар, смотрели на его деятельность «сквозь пальцы»; судостроители строили по заказам работорговцев специальные малотонажные корабли, а производители текстиля и бижутерии открыто помещали в газетах объявления о распродаже товаров для торговцев рабами.

Конец неформальной торговле рабами положили отнюдь не удачные действия международного патруля, а полная ликвидация рабства в Америке (особенно, в южных штатах США, которые были основным рынком сбыта негров-рабов). Официальное использование подневольного труда сохранялось и впоследствии (труд заключенных и военнопленных), однако уже без купли-продажи рабочей силы.

С 80-х гг. XIX в. торговля людьми как запрещенным товаром навсегда перешла из разряда «серого», неформального бизнеса в разряд откровенно «черной», криминальной теневой экономики. Криминализация торговли людьми была закреплена Конвенцией о полном запрете рабства и работорговли была, принятой Лигой Наций в 1926 г.

В наши дни «классические» формы торговли рабами, чтобы их затем эксплуатировать в «нормальных» видах производства, не сохранились практически нигде. Зато во второй половине XX в. начали бурно расти новые формы криминальной торговли людьми, связанные с организованной проституцией, киднэппингом и, отчасти, с нелегальной миграцией.

Торговля людьми, согласно современному законодательству, — это действия, которые включают перемещение людей внутри государственных границ или через них для последующей их эксплуатации. Торговля может быть результатом как принуждения, обмана, манипуляций, злоупотребления властью, так и предварительного согласия. Такое определение предполагает, что торговля людьми незаконна, если даже, например, эксплуатируемые женщины согласны заниматься проституцией. Этот подход заложен в Конвенции Объединенных Наций 1949 г. о пресечении торговли людьми и проституции. Согласно оценкам ООН, ежегодно продают примерно 4 млн человек: примерно половина их используются в секс-индустрии, другие — незаконные мигранты³⁴.

Отношения в нелегальном секс-бизнесе наиболее близки к традиционному рабству, когда купля-продажа людей осуществляется ради приобретения рабочей силы, принуждаемой к труду внеэкономическими методами. Проститутка для сутенера — не партнер по бизнесу, а «говорящее орудие труда». Сутенер очень часто ведет себя именно как рабовладелец: насильно принуждает к занятию проституцией, забирает у «своей» проститутки большую часть заработка, может ее избить и даже убить. Поэтому для характеристики нелегальной проституции часто и правомерно пользуются термином «сексуальное рабство».

В современном мире широкое развитие получил тайный вывоз женщин и детей за границу с целью принуждения их к проституции. В законодательстве перевозка людей для последующей сексуальной эксплуатации трактуется как одна из форм торговли людьми. Долгое время поставку женщин для нелегальной секс-индустрии осуществляли в основном из азиатских стран (прежде всего, из Таиланда и Филиппин). С 1990-х гг. главными поставщиками женщин для секс-индустрии во всем мире начали выступать постсоциалистические страны, особенно бывшие республики СССР (прежде всего, Украина и Россия).

Другая современная форма торговли людьми связана с нелегальной миграцией. Когда во второй половине XX в. развитые страны начали проводить ограничительную миграционную политику, роль «проводников» взяли на себя организованные преступные сообщества. Они обеспечивают переезд граждан разных государств (обычно, развивающихся) с поддельными документами или вообще без них в развитые страны. Только в США ежегодно через сеть организованных преступных группировок въезжает 500 тыс. незаконных мигрантов — большинство сухопутным путем через Канаду и Мексику, меньшинство перевозят на морских судах³⁵.

Нелегальные мигранты нередко погибают по дороге от тесноты, антисанитарных и опасных условий или из-за жестокого обращения со стороны контрабандистов. Попав в «богатую» страну, большинство из них попадают в кабалу. Чтобы выплатить огромные долги контрабандистам, нелегальные мигранты часто вынуждены работать в подпольной индустрии, где контрабандисты содержат их в фактически рабских условиях. Известно мно-

го случаев, когда, стремясь избежать столкновения с властями, контрабандисты бросали мигрантов в пустыне без воды и пищи или выбрасывали их в открытое море. Все эти явления позволяют рассматривать перевозку нелегальных мигрантов именно как работорговлю, когда перевозимые люди рассматриваются не как клиенты, покупающие нелегальную услугу по транспортировке, а как лишь как объекты, лишённые человеческих прав.

Третья форма современной торговли людьми связана с похищением людей ради выкупа. Этим занимаются как чисто криминальные элементы, так и, заметно чаще, политические террористы. Когда заложника выкупают, то продается и покупается свобода сама по себе, рабочая сила жертв не представляет для похитителей особой ценности, поэтому «экономику киднэппинга» криминологи отделяют от торговли людьми. Преступлением признается как само похищение людей, так и вымогательство денег за их освобождение.

подавляющая часть всех похищений людей в современном мире приходится на Колумбию и Чечню.

В Колумбии больше половины этих похищений совершаются повстанцами из леворадикальных организаций (типа «Революционных Вооружённых Сил Колумбии»), остальные организуруются преступными группами. Число похищений с середины 1990-х гг. устойчиво и резко растёт, и в 2000 г. в Колумбии был отмечен «рекорд» — 3706 официально зарегистрированных случаев. Это означает, что ежедневно в среднем похищают 8 человек. В среднем сумма выкупа составляет 100 тыс. дол. Иностранцы «стоят» значительно дороже — в среднем 1,0–1,5 млн³⁶.

В 1990–2000-е гг. этот вид криминального промысла получил широкое распространение в Чеченской республике. Даже в 2000-е гг. количество похищенных измерялось цифрами порядка 300 человек в год. Всего на территории Северо-Кавказского региона только за 1992–2000 гг., согласно официальным данным, похищено 1788 человек. Более 70% всех похищений совершается ради выкупа, размер которого доходил до 1,5 млн долларов³⁷.

Таким образом, многовековая история работорговли демонстрирует четкую тенденцию к нарастающей криминализации этого относительно неэффективного института. От античной свободы торговли любыми категориями людей европейская цивилизация

перешла сначала к ограничению категорий тех, кем можно торговать, затем к запрету отдельных каналов работорговли, а затем и к полному запрету не только работорговли, но и форм хозяйственной деятельности, близких к ней. Покинув «белый» сектор, работорговля ушла сначала в «серую», а затем и в «черную» теневую экономику. Прямое насилие как метод организации взаимодействия людей в хозяйственной деятельности, таким образом, полностью не исчезает, но все более маргинализируется.

Эволюция «экономики редистрибуции» (на примере коррупции). Централизованное перераспределение в рамках системы вертикального разделения труда прошло цикл развития, близкий к эволюции «экономики насилия». Этот цикл можно проследить, анализируя развитие коррупции — использования служебного положения в личных целях.

Для понимания закономерностей развития коррупции следует вспомнить выдвинутую в 1960-е гг. концепцию шведского экономиста-институционалиста Гуннара Мюрдаля о двух видах административного регулирования частного сектора в современных странах «третьего мира». То, которое «применяется по решению чиновника, наделенного правом действовать по праву собственного усмотрения», он называет дискреционным; другое же, которое «осуществляется автоматически в соответствии с установленными правилами», он называет недискреционным. Г. Мюрдаль справедливо отмечал, что в развивающихся странах используется преимущественно первый вид. В результате «бизнесменам ...приходится прокладывать себе путь сквозь джунгли административных дискреционных мер...»³⁸. Противостояние этих двух видов регулирования, однако, не является спецификой современной эпохи — оно проходит красной нитью сквозь всю историю развития государственного регулирования экономики.

Уже в обществах древнего мира наметилось противоречие между двумя видами административного регулирования — централизованным и правовым, с одной стороны, и децентрализованным и волевым, с другой. Если главенствует Закон, то принципал-правитель делегирует агенту-чиновнику строго специфицированный объем полномочий, предлагая подданным сотрудничать с центральной властью в контроле над чиновниками. Более того, при последовательном проведении принципа верхо-

венства Закона сам верховный правитель оказывается агентом подданных-принципалов, поручающих ему следить за исполнением обязательных для всех правил. Если же господствует Воля (=своеволие), то объем делегируемых полномочий и возможность их контролировать варьируются в зависимости от соотношения сил конкретного верховного правителя и доставшегося ему административного аппарата. При власти Закона коррупция имеет узкие границы (чиновник может интерпретировать норму для данного конкретного случая, но не создавать ее), в то время как власть Воли дает для развития коррупции широкий простор (сама власть рассматривается как реализация личных целей — целей лица, стоящего у власти).

Конечно, эта полярность Закона и Воли редко приводит к формированию «чистых» систем, основанных только на одном принципе. С одной стороны, принципиально невозможно формализовать (закрепить в Законе) все нюансы общественных отношений. С другой стороны, невозможно свести централизованное управление только к «подбору кадров», совершенно отрешившись от разработки инструкций для их действий. На практике обычно приходится мириться с некоторой долей самовластья и своекорыстия чиновников, которая, однако, воспринимается либо как часть общепризнанного порядка, либо как неизбежное его нарушение. В обществах первого типа коррупция неизбежна, она является частью самой официальной системы. В обществах второго типа коррупцию можно «выдавить» из легальной экономики, оттеснив ее на периферию социально-экономических отношений.

В раннеклассовых обществах плата жрецу или вождю за личное обращение к их помощи рассматривалась как универсальная норма. Осуществляемое ими регулирование являлось, конечно, в основном дискреционным, хотя уже на самых первых этапах политогенеза создаются кодексы законов (кодекс Хаммурапи и т.д.).

Ситуация стала меняться по мере усложнения и профессионализации государственного аппарата. Правители высшего ранга требовали, чтобы нижестоящие «служащие» довольствовались только фиксированным «жалованием». Напротив, чиновники низших рангов предпочитали тайно получать от просителей (или требовать у них) дополнительную плату за исполнение своих слу-

жебных обязанностей. Поскольку регулирование по-прежнему оставалось дискреционным, коррупция становилась неизбежной.

На ранних этапах истории античных обществ (древнегреческие города-государства, республиканский Рим), когда еще не было профессиональных государственных чиновников, коррупция почти отсутствовала. Это явление начало расцветать в эпоху упадка античности, когда появились такие государственные чиновники, о которых говорили: «Он приехал бедным в богатую провинцию, а уехал богатым из бедной провинции». Как раз в это время в римском праве появился термин «*congumpire*» (синоним слов «портить», «подкупать»), служащий для обозначения должностных злоупотреблений.

Поскольку в средневековой Европе управление уже профессионализировалось, а власть центрального правительства была слабой, то использование служебного положения для личных поборов с подвластного населения по-прежнему оставалось типичным. В допетровской России «кормления» воевод и присвоение ими платы за разрешение конфликтов также считались обычным доходом служивых людей, наряду с жалованием из казны или получением поместий.

Чем более централизованным становилось государство, тем более строго оно ограничивало самостоятельность граждан, провоцируя чиновников низшего и высшего звена к тайному нарушению закона в пользу подданных, желающих избавиться от строгого надзора. Показательные наказания коррумпированных чиновников обычно не давали почти никакого результата — на место устранившихся (разжалованных или казненных) появлялись новые вымогатели взяток. Поскольку у центрального правительства обычно не было сил для тотального контроля за деятельностью чиновников, оно довольствовалось поддержанием некоей «терпимой нормы» коррупции, пресекая лишь слишком опасные ее проявления.

Коренной перелом в отношении общества к личным доходам государственных чиновников произошел только в Западной Европе эпохи нового времени. Идеология общественного договора провозглашала, что подданные платят налоги государству в обмен на то, что оно разумно выработывает законы и строго следит за их неукоснительным выполнением. Завершается формирова-

ние правового общества, основанного не на произволе монарха и/или его чиновников, а именно на власти Закона. Личные отношения стали уступать место чисто служебным, а потому получение чиновником личного дохода, помимо положенного ему жалования, начали трактовать как вопиющее нарушение общественной морали и норм закона. Кроме того, обоснованная представителями неоклассической экономической теории идеология экономической свободы требовала, чтобы государство «предоставило людям самим делать свои дела и предоставило делам идти своим ходом». Если у чиновников уменьшались возможности для регулирующего вмешательства, то падали и их возможности вымогать взятки. В конечном счете в централизованных государствах нового времени коррупция чиновников хотя и не исчезла, но резко сократилась. Это восприятие коррупции как отклонения от нормы в колониальную эпоху активно транслировалось и на периферию капиталистической мир-экономики.

Новым этапом в эволюции коррупции в развитых странах стал конец XIX в., начало «административной революции» (по Дж. Хиксу). С одной стороны, начался новая волна усиления государственного регулирования и, соответственно, власти чиновников. С другой, рождался крупный бизнес, который в конкурентной борьбе стал прибегать к «скупке государства» — уже не к эпизодическому подкупу отдельных мелких государственных служащих, а к прямому подчинению деятельности политиков и высших чиновников делу защиты своих интересов. По мере роста значения политических партий в развитых странах (особенно, в странах Западной Европы после Второй мировой войны) получила развитие партийная коррупция, когда за лоббирование своих интересов крупные фирмы платили не лично политикам, а в партийную кассу. Крупные политики стали все чаще рассматривать свое положение как источник личных доходов. В это же время начала расти самостоятельность внутрифирменных служащих, которые также имеют возможности злоупотреблять своим положением. Поскольку, однако, сохранялась идеология власти Закона, рост коррупции ограничивался рамками теневых экономических отношений — коррупция, как бы распространена она не была, воспринимается все же как отклонение от нормы, а не часть нормы. Кроме того, наряду с ростом потенциальной

отдачи от коррупции растет и общественный контроль за политиками и государственными служащими, так что общий уровень развития коррупции за последние полтора столетия в развитых странах имеет скорее нисходящий тренд³⁹.

Иная ситуация сложилась в получивших политическую самостоятельность странах «третьего мира» — их государственный аппарат, как правило, изначально оказался подвержен системной (институциональной) коррупции. Дело в том, что на «восточные» традиции дискреционного регулирования, основанного на личных отношениях между начальником и просителями, здесь наложилось огромное возможности, связанные с государственным регулированием многих сфер жизни (более широкого и бесконтрольного, чем в развитых странах). Например, президент Индонезии Сухарто был известен как «Мистер 10 процентов», поскольку всем действующим в этой стране иностранным корпорациям предлагалось платить четко обозначенную взятку президенту и членам его семейного клана. Типичной была коррупция «снизу вверх», когда начальник получал свою долю от взяток низших чиновников, но встречалась и коррупция «сверху вниз», когда коррумпированные чиновники высших рангов открыто брали взятки и делились ими с подчиненными (такая система коррупции существовала, например, в Южной Корее). В «третьем мире» появились клептократические режимы (на Филиппинах, в Парагвае, на Гаити, в большинстве африканских стран), где коррупция тотально пронизывала все виды социально-экономических отношений и без взятки просто ничего не делалось. Институциональная коррупция и клептократия — это еще одна форма неотрадиционных отношений, проявление «отката» периферийных стран к тем нормам, которые были для них типичны в доколониальную эпоху.

Рост мирохозяйственных отношений также стимулировал развитие коррупции, причем практически во всех группах стран мира. При заключении контрактов с зарубежными покупателями крупные транснациональные корпорации стали даже легально включать в издержки переговоров расходы на «подарки». В 1970-е гг. на весь мир прогремел скандал с американской фирмой «Локхид», которая для продажи своих не слишком хороших самолетов давала крупные взятки высокопоставленным политикам и чиновникам ФРГ, Японии и других стран. Пример-

но с этого времени коррупция стала осознаваться как одна из глобальных проблем современности, мешающая развитию всех стран мира. Следует подчеркнуть, что инициаторами борьбы с коррупцией выступают по-прежнему развитые страны Запада, в то время как страны Востока (даже наиболее развитые из них) ведут себя куда более пассивно.

Таким, образом, история коррупционных отношений тоже демонстрирует утилизационную функцию теневой экономики, хотя и менее отчетливо, чем история торговли людьми. На примере работоторговли четко заметна прогрессирующая маргинализация «экономики насилия» в масштабах всего мира. На примере же коррупции лучше виден дуализм Востока и Запада. Западная традиция недискреционного, основанного на Законе, регулирования позволила вытеснить коррупцию в сферу теневой экономики и противостоять ей даже в период «административной революции». Напротив, традиция дискреционного регулирования на Востоке делает для этих стран и в наши дни типичной институциональную коррупцию. Можно сказать, что эволюция работоторговли показывает формационную динамику, а эволюция коррупции — цивилизационные различия.

Системность функций теневой экономики

Подведем итог предпринятому нами анализу функций теневых экономических отношений в развитии общества.

Сама постановка вопроса о том, что теневая экономика есть органическая (а не инородная) часть экономики в целом, для экономической литературы не нова. Однако восприятие теневых отношений как феномена *только* современной эпохи сильно сузило восприятие исследователей.

Большинство «тенеvedов» сводит анализ функций теневых экономических отношений к разграничению «хороших» и «плохих». Есть, однако, и более глубокие идеи. Наиболее комплексный подход к пониманию роли теневой экономики можно найти в работах швейцарского экономиста Дитера Касселя⁴⁰. Но и у него заметна ограниченность восприятия функций теневой экономики, связанная с отсутствием исторического подхода.

По Д. Касселю, теневая экономика выполняет три основные функции — аллокативную («экономической смазки»), стабили-

зирующую («экономического амортизатора») и дистрибутивную («социального умиротворителя»).

В капиталистической рыночной экономике функцию «экономической смазки» теневая экономика выполняет за счет трех эффектов — интенсификации конкуренции, использования не находящихся применения ресурсов, а также стимулирования социально-экономических инноваций.

1. В отраслях, в которых растет теневая экономика, усиливается конкурентное давление на легальных производителей, спрос на продукцию которых снижается. По мнению Д. Касселя, это, однако, не относится к криминальной («черной», по нашей классификации) экономике — краже секретной экономической информации, торговле наркотиками и т.д.

2. Растущая теневая экономика создает дополнительный спрос: она увеличивает возможности для занятости, причем не только теневой, поскольку она нуждается в обычных товарах легального сектора, а теневые доходы используются для покупки в легальном секторе потребительских товаров.

3. В отраслях растущей теневой экономики появляются инновации, повышающие общественное благосостояние, хотя, как считает Д. Кассель, вряд ли здесь следует ожидать каких-либо сенсационных технико-организационных достижений.

Далее, теневая экономика может амортизировать потрясения официальной экономики, способствуя тем самым стабильности системы в целом.

1. Моделирование взаимодействия официального и неофициального рыночных секторов показывает, что в подобной дуалистической экономике с классической безработицей увеличение предложения труда на официальных рынках в значительной степени поглощается неофициальным сектором. Чем сильнее «ценовой склероз» официального сектора, тем сильнее будет проявляться эта функция.

2. Теневая экономика гасит негативные последствия антиинфляционной политики, связанной с уменьшением госзаказов и иных стимулирующих мер. Именно в теневую экономику уходят многие предприятия, которые иначе бы могли закрыться. Именно более дешевую «теневую» продукцию покупают те потребители, чьи доходы от официальной экономики начинают снижаться.

Наконец, по мнению Д. Касселя, теневая экономика помогает поддерживать политический и социальный мир, поскольку предлагает тем, кто не удовлетворен своими доходами в официальной экономике, альтернативные возможности их повышения без каких-либо социально-политических потрясений.

1. Функция «социального умиротворителя» капиталистической теневой экономики связана, во-первых, с налоговым бременем. В то время как классы с высокими доходами имеют возможность легально уходить от налогов или нелегально скрывать свои доходы, средние слои могут получать дополнительный доход от теневой занятости или незарегистрированных сделок. Таким образом, уход в подпольную экономику можно рассматривать как «демократизацию сопротивления налогам».

2. «Социальное умиротворение» связано, во-вторых, с регулированием рынка труда государством и профсоюзами. Теневая занятость дает выход недовольству способных и желающих трудиться работников, способствуя тем самым «демократизации сопротивления регулированию».

Подход Д. Касселя ограничен, поскольку он рассматривает функции теневой экономики с точки зрения *статической* социально-экономической системы. В сущности все, им перечисленное, — это одна мегафункция институционального дублирования: теневая экономика помогает развиваться существующей социально-экономической системе именно с тем набором базовых институтов, которые уже есть. В рамках такого подхода легальные и теневые институты являются частичными субститутами друг друга⁴¹. Но и в рамках этого подхода концепции Д. Касселя не хватает системности. По существу, он выделяет не три, а две функции — стимулирование роста, с одной стороны, обеспечение экономической и социальной стабильности, с другой.

Предлагаемый нами подход основан на рассмотрении общества как системы не статической, а *динамической*. Поскольку общество проходит этапы формационного развития, постольку и теневая экономика является деятельным участником этого процесса — причем, в некоторых отношениях, даже более активным, чем официальная экономика.

Выделенные нами три функции теневой экономики — инновационная, дублирующая и утилизационная — сами образуют определенную систему.

Когда происходит рождение нового общества, наиболее активно выполняются инновационная и утилизационная функция. Иначе говоря, теневая экономика генерирует и предлагает обществу для массового внедрения новые институты, одновременно вбирая в себя старые институты. Когда же общество прошло точку бифуркации и начинает развиваться по аттрактору, то инновационная и утилизационная функции отходят на задний план, более важной становится дублирующая функция. Поэтому, в частности, очень велики качественные различия между теневой экономикой современных постсоциалистических и развитых стран. Они связаны с тем, что хотя обе группы стран находятся в состоянии перехода, но постсоциалистические страны переживают двойной переход — не только от индустриального к постиндустриальному обществу, но и от командной экономики к рыночному хозяйству.

Все три выделенные нами функции необходимы для полноценного развития общества. Оно нуждается и в поиске новых «правил игры», и в укреплении существующего стабильного набора институтов, и в канализации архаичных норм. Наличие теневого сектора экономики делает развитие общества более устойчивым и безопасным.

Примечания

¹ Одним из редких примеров исторического подхода к теневой экономике является статья немецких исследователей К. Гретчманна и В. Меттельсифена (Gretschmann K., Mettelsiefen B. Die Schattenwirtschaftsdebatte — eine Retrospective // Schattenwirtschaft. Gottingen, 1984. S. 17–19). Впрочем, и в этом случае история теневой экономики прослежена только по Западной Европе и только с XVIII в.

² Хайек Ф. фон. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 13.

³ См., например: Cash A. Guerrilla Capitalism: How to Practice Free Enterprise in an Unfree Economy. Port Townsend: Loompanics Unlimited, 1984.

⁴ Henry S. Can the Hidden Economy Be Revolutionary? Toward a Dialectical Analysis of the Relations between Formal and Informal Economies // Social Justice. 1988. Vol. 15. № 3–4. P. 29–54.

⁵ Названия формаций продолжают оставаться предметом дискуссий. Данные формулировки не претендуют на точность и призваны лишь указывать на события.

⁶ Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1994. С. 249.

⁷ Там же. С. 277.

⁸ Дмитриенко В. П. Некоторые итоги обобществления товарооборота в 1917–1920 гг. // Исторические записки. Т. 79. М., 1966. С. 228.

⁹ Можно вспомнить, например, что периодически вводились временные разрешения для некоторых категорий населения на провоз 1,5–2,0 пудов хлеба. Естественно, что под прикрытием этих разрешений хлеб возили в большом количестве и отнюдь не только те, кто имел на это право.

¹⁰ Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 48.

¹¹ Павлюченко С. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 236–241, 154.

¹² Katsenelinboigen A. Coloured Markets in the Soviet Union // Soviet Studies. 1977. Vol. 29. № 1. P. 62–85. P. 62.

¹³ ДеЛонг Дж. Бредфорд. Бароны-разбойники // Очерки о мировой экономике: Выдающиеся экономисты мира в Московском Центре Карнеги. М., 2002. С. 190.

¹⁴ Там же. С. 201.

¹⁵ Там же. С. 201–202.

¹⁶ Там же. С. 206.

¹⁷ Отождествление производства абортс с убийством произошло в Западной Европе только в XVI в. Представление о проституции как о позорном занятии, которое губит не только тело, но и душу, окончательно укоренилось тоже под влиянием Реформации. Впрочем, рост негативного отношения к проституции и абортам отнюдь не сразу привели к их полному запрету. Кризис общественной морали и «реабилитация тела» привели в эпоху Просвещения даже к подъему проституции. Лишь в XIX в. торжество буржуазной морали привели к победе запретительных настроений. Так, в США абортс были полностью запрещены в 1880 г., запрет проституции завершился к 1917 г.

¹⁸ Далее дано сокращенное изложение материала, в развернутом виде изложенного в статье: Латов Ю.В. Организованная преступность постсоветской России — государство в государстве? // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Часть 2. М., 2002.

¹⁹ См., например: Вебер М. Развитие капиталистического мировоззрения // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 153, 158.

²⁰ О сходстве признаков легальных и нелегальных экономических организаций см.: Айдинян Р., Гишинский Я. Функциональная теория орга-

низации и организованная преступность. С. 63. См. также: Дадалко В.А., Румянцева Е.Е. Пешко Д.А. Теневая экономика и кризис власти: проблемы и пути решения. Гл. 2. Минск, 2000.

²¹ Термином «мафия» часто пользуются как наиболее общим понятием для обозначения организованных преступных сообществ, хотя исторически это выражение родилось в Сицилии и долгое время использовалось только для обозначения сицилийского и итало-американского гангстеризма.

²² Цит. по: Никифоров А.С. Гангстеризм в США: сущность и эволюция. М., 1991. С. 127.

²³ Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 10.

²⁴ Единственным исключением является пиратство, поскольку управлять кораблем и вести морской бой можно только командой, причем довольно многочисленной. Однако и в этой разновидности преступного промысла уровень организованности, как правило, не выходил за рамки отдельной команды: в истории пиратства известно весьма мало случаев, когда бы пиратские команды объединялись для совместных действий, причем и эти объединения распадались сразу после завершения похода, а иногда и во время него.

²⁵ Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993. С. 39.

²⁶ «Стрельба и убийства — безрезультатное средство делать бизнес, — заявлял по этому поводу босс американской мафии Мейер Лански. — Продавцы Форда не стреляют в продавцов Шевроле. Они пытаются перебивать цену друг у друга. Мы давно решили следовать этому принципу. Использовать огнестрельное оружие и насилие как можно реже, а лучше всего совсем не использовать» (Иванов Р.Ф. Мафия в США. М., 1996. С. 339.). Конечно, нужно делать поправку на лицемерие далеко не безгрешного гангстера. Однако несомненно, что угроза применения насилия часто делает излишним применение самого гангстерского насилия.

²⁷ «Именно в странном союзе полиции и мафии коренится причина относительно низкого уровня преступности в этой стране. Все силы полиции направлены на борьбу только с неорганизованной преступностью, но только не с мафией, и сама мафия помогает ей в этой борьбе... “Семьи” мафии не позволяют неорганизованным преступникам вызывать беспорядки» (Преображенский К. Пасынки самураев // Вокруг света. 1989. № 2. С. 10, 12.). Впрочем, в 1990-е гг. это «идиллическое» сосуществование полиции и якудза стало разрушаться.

²⁸ Эндерсон Э. Организованная преступность, мафия и правительство // Экономика и организация промышленного производства. 1994. № 3. С. 161.

²⁹ Самым высокомонополизированным криминальным промыслом являлся, видимо, кокаиновый наркобизнес, поскольку листья коки растут

только в «Андском треугольнике» (Перу, Боливия, Колумбия). Однако и здесь наблюдается не абсолютная монополия, а жесткая олигополия: в 1980-е гг. Медельинский наркокартель обеспечивал примерно 80% экспорта кокаина, наркокартель Кали — 20%; в 1990-е гг., наоборот, Кали — 80%, остатки Медельинского картеля — 10–20%.

³⁰ Paoli L. Organized Crime: Criminal Organizations or Organization of Crime? // Criminological Research Projects (1997/1998) (http://www.iuscrim.mpg.de/en/research/crim/paoli_e.html).

³¹ Например, «новобранец» сицилийской мафии после приветственной речи опытного «человека чести» смазывает своей кровью иконку и поджигает ее, перебрасывая из руки в руку, повторяя ритуальную клятву — «Да сгорит моя плоть, как сгорает этот священный образ, если я нарушу мою клятву» (Кальви Ф. Повседневная жизнь итальянской мафии. М., 2000. С. 44–45).

³² См., например, интерпретацию рабства в Америке нового времени как неотрадиционной экономической системы: Латов Ю.В. Американское рабство как неотрадиционная экономическая система // Историко-экономические исследования. 2003. № 2–3.

³³ См., например: Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. 2-е изд. М., 1992. С. 143–220; Рено Ф., Даже С. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М., 1991. С. 99–123.

³⁴ См.: O’Neill A.R. International Trafficking in Women to the United States: A Contemporary Manifestation of Slavery and Organized Crime. Center for the Study of Intelligence monograph. 4/2000 (<http://www.cia.gov/csi/monograph/women/trafficking.pdf>); Хьюз Донна М. Торговля “Наташами” — транснациональный теневой рынок торговли женщинами (<http://www.owl.ru/win/research/natasha.htm>) (перевод статьи: Hughes D.M. The «Natasha» Trade — The Transnational Shadow Market of Trafficking in Women // Journal of International Affairs. Spring 2000).

³⁵ См.: International Crime Threat Assessment. 2000 (<http://clinton4.nara.gov/WH/EOP/NSC/html/documents/pub45270/pub45270index.html>).

³⁶ См.: Suarez A.R. Parasites and Predators: Guerrillas and the Insurrection Economy of Colombia // Journal of International Affairs. Spring 2000. Vol. 53. № 2. P. 577–601; The kidnap industry in Colombia. Our business? 2001 (<http://www.pax-christi.nl/kidnap.pdf>).

³⁷ Журавель В.П. Северный Кавказ и некоторые аспекты борьбы с проявлениями терроризма // Право и безопасность. 2002. № 2–3.

³⁸ Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. С. 232.

³⁹ Едва ли не единственное клиометрическое исследование коррупции, проведенное Э. Глейзером и К. Голдин, прослеживает ее динамику в Соединенных Штатах за 1810–1970 гг. (см. далее реферат этой статьи в данном выпуске). Оно показывает, что наиболее частой коррупция была в

1830–1880-е гг., затем она неуклонно снижалась, так что в 1970-е уровень коррупции был ниже, чем в «пиковые» 1870-е, примерно в 5 раз. Видимо, в Америке «административная революция», вызвавшая вспышку коррупции, началась на несколько десятилетий раньше, чем в Западной Европе. Общая же закономерность — вспышка коррупции в начале «административной революции» гасится последующим усилением институтов демократического контроля — является, вероятнее всего, универсальной для всех развитых стран.

⁴⁰ Cassel D. Funktionen der Schattenwirtschaft im Koordinationsmechanismus von Markt- und Planwirtschaften // *ORDO. Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. Bd. 37. 1986. S. 73–103; Cassel D., Cichy U. The Shadow Economy and Economic Policy in East and West: A Comparative System Approach // *The Unofficial Economy. Consequences and Perspectives in Different Economic Systems* / Ed. by S. Alessandrini and B. Dallago. Gower, 1987. P. 127–144.

⁴¹ Идея субституциональности официальных и теневых институтов четко звучит также у С. Генри: Henry S. Can the Hidden Economy Be Revolutionary? Toward a Dialectical Analysis of the Relations between Formal and Informal Economies // *Social Justice*. 1988. Vol. 15. № 3–4. P. 29–54.